

Berliner Slawistische Arbeiten

Herausgegeben von
Wolfgang Gladrow, Susanne Frank, Magdalena Marszalek und Christian Voss

Band 39

PETER LANG

Frankfurt am Main · Berlin · Bern · Bruxelles · New York · Oxford · Wien

Sprache im Kulturkontext

Festschrift für Alicja Nagórko

Herausgegeben von Hanna Burkhardt,
Robert Hammel und Marek Łaziński

Eine Initiative des Instituts für Slawistik
der Humboldt-Universität zu Berlin und der Fakultät
für Polonistik der Universität Warschau

PETER LANG

Internationaler Verlag der Wissenschaften

Некоторые наблюдения над типологическими изменениями в области выражения падежной функции в русском языке на фоне славяно-германских параллелей

Общественно-политические изменения, происходящие в странах Восточной Европы в течение последних 20-ти лет, нашли, как известно, свое отражение в многообразных внутриязыковых и межъязыковых процессах, характерных особенно для славянского языкового континуума. Их наблюдению посвящены многочисленные лингвистические исследования.

Относительно русского языка в рамках российского научного дискурса ученые выражают свою озабоченность по поводу «состояния русского языка современности» и его «деградации». Последняя проявляется, по их мнению, прежде всего на уровне культуры речи в последовательном несоблюдении и, тем самым, разрушении норм литературного языка, но не затрагивает языковую систему в целом (ср. Караулов 1991, Кронгауз 2008). Лишь отдельные исследователи усматривают в «массовых ошибках» отражение предполагаемых изменений в системе русского языка (Гловинская 1996/2000, 2001).

На ослабление кодифицированных норм литературного языка и их переоценку в эпоху общественных катаклизмов указывал Е.Д. Поливанов на основе анализа изменений в русском литературном языке после революции 1917 года (Поливанов 1931). Современное «состояние» русского языка подтверждает, как представляется, данную закономерность. Ее проявление можно наблюдать и в эпоху государственных реформ Петра I в первой трети XVIII века, следствием которых стало, как известно, коренное изменение самой структуры русского литературного языка. По нашему глубокому убеждению, в ситуации, аналогичной общественному катаклизму, находятся и носители языка в диаспоре, особенно представители первого поколения всех волн эмиграции.

Поскольку кодифицированные нормы русского литературного языка (по сравнению с другими европейскими языками-стандартами, *standard languages*) в своей специфике отличаются особым пуризмом, наблюдение над русским языком-стандартом в период общественных катаклизмов представляется особенно важным. В результате ослабления кодифицированных норм и их переоценки такие наблюдения позволяют проследить изменения в системе языка не только по некодифицированным вариантам языка (например, диалектам, что, бесспорно, возможно в «нормальной» языковой ситуации), но и в основной, самой важной, форме его существования – в литературном языке. Последовательные изменения в системе языка, обусловленные действием языковых тенденций, приводят в конеч-

ном итоге к необходимости изменения традиционной в своей основе нормы как узуальной, так и кодифицированной.

В предлагаемой статье делается попытка доказать, что замеченные исследователями за последние 20 лет «массовые ошибки» в области употребления падежей и падежных конструкций не являются свидетельством «деградации» русского языка, но закономерным проявлением многовекового действия языковой тенденции к ослаблению падежных функций, характерной для языков индоевропейской семьи. Автор не ставит своей задачей провести исчерпывающий систематический анализ всех случаев «неправильного» присловного предложного и беспредложного управления в современном русском языке с привлечением для сравнения языков всех ветвей индоевропейской семьи. Цель предлагаемого исследования – показать в общих чертах непрерывность действия выше названной системной тенденции языкового развития на примере русского языка.

Анализируемый корпус представляет собой выборку «ошибок» на употребление падежей, зафиксированных в русском литературном языке во время трех указанных выше эпох общественных катаклизмов в истории России, а также в языке русской диаспоры¹ всех четырех волн эмиграции². Для сравнения привлекается материал русских диалектов и параллели из болгарского и германских (в основном, немецкого) языков, подтверждающие, как представляется, закономерность наблюдаемых в современном русском языке процессов.

1. Выражение «массовые ошибки» принадлежит М.Я. Гловинской (2000: 237), которая обозначает таким образом последовательные нарушения норм современного русского литературного языка в различных областях морфологии и синтаксиса (в том числе при употреблении падежей), наблюдаемые в последние годы у его носителей. Применительно к анализу употребления падежей в современном немецком языке У. Хинрихс указывает в этой связи на «регулярные», «часто встречающиеся» ошибки «*obstiner Natur*» (Hinrichs 2004: 24), т.е. «неисправимые», константные ошибки.

1 В корпус включены примеры из следующих исследований (которые, кроме работ М.Я. Гловинской, не занимаются анализом рассматриваемых в статье феноменов): Гловинская 1996/2000, 2001, Костомаров 1994, Шапошников 1998, Грановская 1995, Крайильникова 2001, Найдич 2008, Селищев 1926/2003 и др., а также данные собственных наблюдений над современным русским литературным языком в метрополии и в русской диаспоре в Германии.

2 Принято различать следующие волны русской эмиграции: 1-я – после революции 1917 года, 2-я – во время и после Второй Мировой (Отечественной) войны в 1941-1945 годы, 3-я – в 1970-е годы, 4-я – с конца 1980-х годов (Земская 2001: 35 и след.).

Среди разнообразных, многочисленных примеров «массовых» константных ошибок, представленных в исследовании М.Я. Гловинской, можно выделить два феномена (Гловинская 2000: 239-273), которые непосредственно связаны с характеристикой падежа как морфологической категории и формой ее выражения в языке:

1) вытеснение падежного управления предложно-предложным, ср.: *стратегия об уничтожении, стратегия по уничтожению* вместо *стратегия уничтожения*;

2) смещение падежей и падежных окончаний, ср.: *прежде всего о многократных глаголах* – род. мн. вместо пред. мн. *глаголах*; *дал интервью Илье Мильштейну* – окончание дат. ед. 2-го скл. у существительного 1-го скл. *Илье*.

Полностью разделяя мнение исследователя о том, что сделанные ею выше названные наблюдения над языком современности могут свидетельствовать об изменениях в его системе, попытаемся на примере указанных феноменов показать непрерывность и продолжительность процесса типологических системных преобразований в области выражения падежной функции существительных в истории развития русского языка, расширив предлагаемые исследователем временные рамки. Выявив параллели между обоими феноменами, наблюдаемыми в русском языке, и явлениями, представленными в других языках индоевропейской семьи в различные периоды их развития, попытаемся доказать «неуникальность» наблюдаемого процесса в русском языке, в том числе и в его современном «состоянии».

1.1 Анализ корпуса примеров, отражающих употребление предложного управления вместо ожидаемого падежного,³ показал, что данный процесс характерен прежде всего для наиболее полисемантических, мультифункциональных падежей. При этом вытеснение падежного управления предложным последовательно наблюдается при выражении всех их центральных валентностей. Ярким примером может служить самый полисемантический из русских падежей – родительный с тремя основными падежными значениями (Русская грамматика 1980, I: 481):⁴ *жалобы от пассажиров* (R)⁵ (вместо *жалобы пассажиров*), *по предложениям от читателей* (гD1) (вместо *по предложениям читателей*) – субъектное значение; *уважение к правам человека* (R) (вместо *уважение прав человека*), *если у них есть*

3 Ряд положений данной проблематики представлен в Mengel (2011).

4 Ограниченные рамки статьи не позволяют дать подробный анализ данных по всем падежам, ср. многочисленные примеры в (Гловинская 2000: 240 и след.).

5 Принятые сокращения в корпусе примеров: R – русский язык метрополии; гD – русский язык диаспоры, цифрой обозначается соответствующая волна эмиграции.

предложения о работе или уже контракт (rD4) (вместо *предложения работы*) – объектное значение; *курс на реформы* (R) (вместо *курс реформ*), *тема о русской идее* (rD2) (вместо *тема русской идеи*) – определительное значение.

Механизм вытеснения падежного управления предложным на «формальном уровне» можно, по всей вероятности, объяснить действием аналогии (Гловинская 2000: 243), где предложная конструкция оказывается доминирующей как более сильная, ср.: *показывает на необходимость* < *показывает необходимость* + *указывает на необходимость*.

На семантическом уровне употребление предпочитаемой предложной конструкции выявляет две противоположных, на первый взгляд, закономерности:

- 1) с помощью предлога достигается семантическая дифференцированность, т.е. уточнение грамматического значения падежа, ср.: *жители были разбужены страшным грохотом* → *жители были разбужены от страшного грохота* (R) – уточняется значение причины;
- 2) предложная конструкция обнаруживает семантическую нивелированность лексического значения предлога, его десемантизацию, ср.: *мы не преследуем цели ограничения наших гостей* → *мы не преследуем цели для ограничения наших гостей* (R).⁶

Рассмотрим каждую из наблюдаемых закономерностей подробнее.

1.1.1 Полисемантичность и мультифункциональность падежей в русском языке означает способность одного средства выражения (падежного окончания) эксплицировать в языке несколько различных значений. В этой связи семантическая дифференциация грамматического значения падежа с помощью предложного управления представляет собой обычное и распространенное явление в современном русском литературном языке. В последнем издании академической грамматики русского языка констатируется, что «в самом обобщенном смысле значения беспредложных падежей и падежей с предлогами совпадают», причем «предложно-падежные формы обладают большими возможностями конкретизации и дифференциации падежных значений» (Русская грамматика 1980, I: 476).

Тем не менее, центр «функционально-семантической парадигмы» падежных форм в современном русском литературном языке составляют – по модели, предложенной Е.В. Клобуковым (1986), – беспредложные падежи: «основные» (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный) и распространяющие их «слабо дифференцированные» «фа-

6 Оба явления констатируются также в исследовании М.Я. Гловинской (2000: 240 и след.).

культативные» (родительный части, оба нумератива и звательный). Падежи с предлогами (предложный и местный) занимают периферийную позицию.

Наблюдаемая экспансия предложно-падежного управления в сферу беспредложного с целью семантической дифференциации грамматического значения свидетельствует, на наш взгляд, о важных изменениях в существующей модели описания падежных функций в русском языке, а именно, о перераспределении центральной и периферийной зон в «функционально-семантической парадигме» падежных форм. Периферийные падежи с предлогами продвигаются в центр парадигмы, вытесняя из него беспредложные. В наблюдаемой закономерности проявляется постепенно нарастающая тенденция к выражению падежного значения не только (и не столько) падежным окончанием, сколько с помощью других средств языковой системы, в частности, предлогов.

Отражение выше названной закономерности в русском языке не ограничивается XIX веком и активизацией протекания процесса в XX-ом (ср. Гловинская 2000: 240), она берет свое начало в гораздо более ранние периоды развития языка. Частным примером продолжительности действия и завершения процесса может служить предложный падеж в современном русском языке, неспособный к беспредложному управлению.

Исторический экскурс свидетельствует, что в древнерусском языке функция местного (ныне предложного) падежа могла регулярно выражаться исключительно падежным окончанием, ср.: *самъ же изъясавъ князьъ правляше столъ отца своего кыевѣ. Я брата своего столъ поржчи правити близокъ своимъ остромиръ новѣгородѣ* – Остромирово евангелие 1056 г. (Иванов и др. 1990: 16). Постепенное вытеснение падежного управления предложно-падежным происходит в ходе развития языка в XI-XVII веках. Первые грамматики русского языка начала XVIII столетия отражают вариативность кодификации местного падежа как с предложно-падежным (Glück 1704), так и с беспредложным (падежным) управлением (Sohier 1724). Современная кодификация предложно-падежной формы и соответственно новое название падежа – «предложный» (т.е. падеж, неупотребляющийся без предлога) – представлены впервые в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова 1755 года (Ломоносов 1755).

Завершение вытеснения падежного управления предложно-падежным можно наблюдать и на примере выражения отдельных значений других падежей, ср.: *продаваше дворъ идите же съмо смольныкъ ли кыевъ ли : дешево ти халебе* (Берестяная грамота № 424 начала XII в. [Иванов и др. 1990: 29] – дат.). В современном русском языке в данном случае возможно только предложно-падежное управление, ср.: *к Смоленску или к Киеву* (к + дат.) и *в Смо-*

ленск или в Киев (в + вин.) – обе синонимичные предложно-падежные конструкции эксклюзивно выражают значение направления. В своем исследовании, посвященном анализу языка «Вестей-Курантов» (1600-1660 гг.), И. Майер констатирует постоянное увеличение числа предложных конструкций в русском языке XVII века, по сравнению с памятниками письменности предшествующих эпох, и широкое распространение данного феномена в период языкового развития после XVII столетия (Maier 2006: 424).

В современном русском литературном языке вытеснение падежного управления предложно-падежным ярко проявляется в период после революции 1917 года, ср.: *была проведена кампания медицинского обследования*, но также *кампания по отчислению в пользу петроградских рабочих* (Селищев 1926/2003: 200). Оно постоянно наблюдается в языке русской диаспоры (см. примеры ниже).

По определению У. Хинрихса «расщепление» одного языкового значения на две и более формы его выражения представляет собой типологический признак аналитизма в системе языка (Hinrichs 2000: 100 и след.). Наблюдаемая закономерность семантической дифференциации грамматического значения в результате замены падежного управления предложно-падежным безусловно является отражением нарастающей тенденции к аналитизму в русском языке в области выражения падежной функции (ср. Гловинская 1996/2000). Д. Вайс по праву указывает на «двойную маркированность» (падежом и предлогом) подобных предложно-падежных конструкций и определяет их как «аналитически-синтетические соединения» (Weiss 2004: 267 и след.). Он полагает, что процесс замены падежного управления предложным может осуществляться в целом по двум моделям: «А) полная замена и Б) частичная замена», при этом в русском языке наблюдается исключительно модель Б (Weiss 2004: 269). Полностью разделяя мнение исследователя, что модель Б широко представлена в русском языке и наблюдается в случае семантической дифференциации, позволим себе утверждать присутствие в русском языке также модели А.

1.1.2 Тенденцию к полной замене падежного управления предложным (модель А) отражают, на наш взгляд, предложные конструкции, обнаруживающие семантическую нивелированность лексического значения предлога.

В таких случаях предпочтение аналитической конструкции с предлогом синтетической беспредложной форме выражения падежной функции не мотивировано необходимостью уточнения оттенков грамматического значения, ср.: *мы не преследуем цели для ограничения наших гостей* (R) вместо *мы не преследуем цели ограничения наших гостей* (в обоих случаях – род.), *мы выяснили о причине этого события* (R) (о + пред.) вместо *мы*

выяснили причину этого события (вин.). Примером высокой активности модели А в русском языке современности может служить следующая подборка, сделанная нами на основе трансляции радиостанции «Русская служба новостей» 6 апреля 2010 года в течение двух часов, ср.: *только что звучало о том* (Новости, 21:30) (*о* + пред.) вместо *звучало то* (вин.); *можно обсуждать о том* (дискуссия ведущего с членом Государственной Думы в речи последнего, 22:40) (*о* + пред.) вместо *обсуждать то* (вин.) (ср. в речи ведущего: *обсуждать ситуацию*); *я хочу призвать о том* (беседа политиков за круглым столом, 23:20) (*о* + пред.) вместо *призвать к тому* (*к* + дат.). В докладе, посвященном борьбе за чистоту русского языка, на IV Международном конгрессе исследователей русского языка в Москве (20-23 марта 2010 г.) несколько раз прозвучало: *здесь показано о том* (*о* + пред.) вместо *показано то* (вин.).

Особенно последний пример наглядно свидетельствует о последовательности действия тенденции к полному вытеснению падежного управления предложным в русском языке: здесь данная закономерность проявляется в устном дискурсе научной филологической дискуссии. Наши наблюдения показывают ее отражение и в письменном научном филологическом дискурсе, где соответствующий процесс нередко проявляется в форме гиперкорректного употребления беспредложных падежных конструкций, ср.: *посетил Берлин <...> А.И. Рыков, чтобы пройти курс лечения немецких врачей от неумеренного пристрастия к алкоголю* (Сорокина 2003: 8) (род.) вместо *курс лечения у немецких врачей* (*у* + род.); *прощальный банкет участников Конгресса* (Программа IV Международного конгресса исследователей русского языка 2010: 6, 107) (род.) вместо *банкет для участников* (*для* + род.).⁷

Активизация замены предложного управления предложно-падежными конструкциями с десемантизированным предлогом, наблюдаемая исследователями с 1990-х годов (ср. Гловинская 2000: 247), не означает ее отсутствия в более ранние периоды развития русского языка.

Данное явление последовательно отражено в языке русской диаспоры всех волн эмиграции, ср.: *в 1902 году президент Французской республики понимал о долге благодарности своей страны <...> императору Александру* (rD1) (*о* + пред.) вместо *долг* (вин.) *благодарности*; *авторы, потеряв всякий стыд, с гордостью декларировали об одобрении их проектов* (rD2)

7 Нетрудно заметить, что гиперкорректное употребление беспредложной конструкции вместо предложной в обоих случаях искажает смысл высказывания. Первый пример дает основания предположить, что алкогольной болезнью страдают немецкие врачи, а не председатель Совнаркома А.И. Рыков. Во втором – создается впечатление, что банкет устраивают участники конгресса, тогда как в действительности он дается в их честь.

(о + пред.) вместо *декларировали одобрение* (вин.); *мы всегда на дискотеку ходим в группе* (гD4) (в + пред.) вместо *ходим группой* (твор.); *он был известен за свои странности* (гD1) (за + вин.) вместо *известен своими странностями* (твор.); *город знаменит за его дворец* (гD4) (за + вин.) вместо *знаменит дворцом* (твор.); *много времени было мною посвящено на чтение книг* (гD1) (на + вин.) вместо *посвящено чтению книг* (дат.) и др.; ср. также гиперкорректное употребление предложной конструкции: *победа России была уже принятыми мерами неизбежна* (гD1) (твор.) вместо *из-за принятых мер* (из-за + род.); *мы с мамой так закрутились переездом на новую квартиру* (гD4) (твор.) вместо *закрутились с переездом* (с + твор.).

Исследование А.М. Селищева, посвященное «языку революционной эпохи» после 1917 года, обнаруживает следующий языковой материал (Селищев 1926/2003: 206, 208, 204), ср.: *ты вполне можешь над ним распорядиться* (над + твор.) вместо *им распорядиться* (твор), *об этим не сумейте* (об + пред.) вместо *в этом не сомневайтесь* (в + пред.), *отчет от фабкома сделает тов. Токарева* (от + род.) вместо *из любезности* (из + род.), *незаинтересованность к делу* (к + дат.) вместо *незаинтересованность в деле* (в + пред.) или *незаинтересованность делом* (твор.).

Три последних примера отражают, по нашему убеждению, модель А в том плане, что предложно-падежные конструкции, призванные выражать различные грамматические значения, употребляются абсолютно синонимично. При этом десемантизированные предлоги могут выступать как в сочетании с одним и тем же падежом, так и с различными падежами. Если в первом случае выражение синонимичных значений можно в какой-то степени объяснить значением падежа, ср.: *от любезности / из любезности*, то десемантизированность предложно-падежных конструкций в целом и их употребление исключительно как предпочтительное по сравнению с предложным управлением во втором случае очевидны, ср.: *незаинтересованность к делу / в деле* вместо *делом*. Примеры обоих случаев употребления, уже принятые или еще отклоняемые кодифицированной нормой современного русского литературного языка, широко представлены как в языке метрополии, так и диаспоры, ср.: *ошибки в употреблении надежд / при употреблении надежд* (R) (в предлагаемой статье) (в / при + пред.) возможно *ошибки на употребление надежд* (на + вин.) или *ошибки употребления надежд* (род.); *настаиваю о встрече у нас в офисе* (гD4) (о + пред.) вместо *настаиваю на встрече* (на + пред.); *к Смоленску или к Киеву / в Смоленск или в Киев* (R) (см. выше); *интерес за нашей продукцией* (гD4) (за + твор.) вместо *к нашей продукции* (к + дат.); *я хочу призвать о том* (R) (см. выше) вместо *призвать к тому*.

1.2 На основе анализа корпуса примеров русского языка представляется возможным сделать следующий вывод. В системе языка наблюдаются типологические изменения в области выражения падежной функции, проявляющиеся в форме перехода от синтетического выражения значения падежа (падежным окончанием) к аналитическому (предложной конструкцией). Прослеживаются следующие последовательные стадии этого перехода: замена падежного управления предложно-падежным в целях семантической дифференциации значения падежа («частичная замена», модель Б по Д. Вайсу) → замена падежного управления предложно-падежной конструкцией, сохраняющей падеж при семантической нивелированности лексического значения предлога → параллельное употребление различных десемантизированных предложно-падежных конструкций для выражения одного и того же падежного значения, замена подобными конструкциями падежного управления → предпочтительное употребление определенной десемантизированной предложно-падежной конструкции для выражения различных падежных значений беспредложного управления.

Последнее явление наблюдается, по нашему мнению, в постоянно возрастающей активности предложно-падежной конструкции с предлогом *о* (ср. примеры выше). Данная стадия и две предыдущих отражают тенденцию к «полной замене» падежного управления предложным (модель А по Д. Вайсу) на различных этапах развития, конечным итогом которого призвано стать полное вытеснение синтетического выражения падежной функции (с помощью окончания) аналитическим (только с помощью предлога). Эта последняя стадия развития еще не представлена в русском языке.

1.3 В немецком языке, одном из самых «синтетических» в плане выражения падежной функции среди других германских, данная стадия развития уже представлена. У. Хинрихс усматривает в параллельном десемантизированном употреблении предлогов в немецком разговорном языке в сочетании со словарной формой существительного без артикля (представляющего в «нормальном» случае ближайший контекст для определения падежа) или параллельно ей типичный феномен «значительного сдвига в сторону аналитизма» в системе языка, ср.: *der Interregio nach Potsdam fährt heute um 17:10 von / auf / aus / in / an / ab / ø Gleis 3* (Hinrichs 2004, 25). Аналогии с развитием в русском языке, в частности, с параллельным употреблением различных десемантизированных предложно-падежных конструкций, здесь налицо.

Их можно наблюдать и на примере замены падежного управления предложным. Особенно показательным в этом плане является представленное в современном немецком языке интенсивное развитие в области

последовательного вытеснения беспредложного родительного падежа предложно-падежной конструкцией с дательным при выражении значения принадлежности, ср.: *das Haus meines Vaters* (род.) → *das Haus von meinem Vater* (von + дат.) (Krischke 2006); *vier Aufführungen von dem amerikanischen Komponisten Gordon Sherwood* (радиопрограмма WDR 3, 2 февраля 2007, 08:50)⁸ (von + дат. вместо род. *des amerikanischen Komponisten*). Об актуальности и интенсивности этого процесса свидетельствует синонимичное употребление беспредложного и предложно-падежного управления в одном и том же контексте, ср.: *am Mittwochmittag trafen sich Vertreter von Polizei* (von +), *des Parkhausbetreibers* (род.) *und der Stadtverwaltung* (род.) (газета «Kölner Stadtanzeiger» за 26 октября 2006), *Arbeitsplatz von Irina Alexandrowna* (von +) *und ihres Mannes* (род.) (телепрограмма NDR, 15 марта 2007, 20:55), *die zugedeckten Leichen von Generalbundesanwalt* (von +) *Siegfried Buback und seines Fahrers* (род.) *Wolfgang Göbel* (газета «Kölner Stadtanzeiger» за 24/25 марта 2007), *immerhin liegt die Gegend ungefähr auf dem Breitengrad von Novosibirsk* (von +), *des nördlichen Baikals* (род.) *und des Südzipfels* (род.) *von Kamtschatka* (von +) (U. Lachauer «Die Brücke von Tilsit», Reinbek bei Hamburg 2003: 59) и др.

Все приведенные примеры, зафиксированные в сугубо серьезных источниках средств массовой информации и литературных произведениях, т.е. в немецком литературном языке, указывают кроме того на дальнейшее развитие в сторону аналитизма в рамках предложной конструкции. Существительные – как имена собственные (*Irina Alexandrowna, Novosibirsk, Kamtschatka*), так и нарицательные (*Polizei, Generalbundesanwalt*) – с предлогом *von* употребляются без артикля. Поскольку окончания в подавляющем большинстве падежей в немецком языке утрачены или омонимичны благодаря широкому падежному синкретизму (см. ниже), употребление существительных без артикля в таких конструкциях можно трактовать как использование именительного падежа или отсутствие у существительных падежной маркировки. Последовательное развитие данного процесса широко отражено в разговорном языке. Оно может быть продемонстрировано на приведенном выше примере *das Haus meines Vaters* (род.) → *das Haus von meinem Vater* (von + дат.) → *das Haus von mein Vater* (von + им.) (Krischke 2006, ср. Vater 2007: 41), где на последней стадии развития на употребление им. падежа существительного с предлогом *von* указывает его атрибут – притяжательное местоимение *mein* в именительном падеже.

Таким образом, можно утверждать, что и на данном участке системы немецкого языка, по сравнению с русским, развитие в сторону аналитизма представлено на более продвинутом этапе. При замене падежного управ-

8 Здесь и далее используются примеры из работ (Vater 2006, 2007, 2011). Примеры из других источников сопровождаются указанием последних.

ления предложным эксплицирована не только модель Б, но и модель А, т.е. «полная замена» падежной формы существительного предложной конструкцией.

2. В своем фундаментальном исследовании, посвященном истории развития болгарского языка от синтетического типа к аналитическому, И. Дуриданов (1956, 2004) убедительно доказывает, что следствия такого развития в области именного склонения проявляются в наличии трех основных «внутренних противоречий» в системе языка, которые отражены уже в первых памятниках древнеболгарской письменности X века.

Одним из важнейших «внутренних противоречий» системы исследователь считает параллельное употребление самостоятельных падежных форм и предложно-падежных конструкций с тем же или иным падежом при абсолютной идентичности грамматического значения, выражаемого данными падежными формами и предложными конструкциями (Duridanov 2004: 214). Описанные в предыдущей главе, наблюдаемые в современном русском языке константные «массовые ошибки» при употреблении падежного и предложно-падежного управления и параллельные им явления в немецком языке отражают, как кажется, аналогичные процессы развития в системах данных языков.

Завершение процесса развития от синтетического выражения падежной функции к аналитическому привело, как известно, в болгарском языке к консолидации всех косвенных падежей в один *casus obliquus generalis* (болг. *обща форма*) за счет расширения функции аккузатива (ср. Соболев 1991) и постепенной утраты падежными окончаниями смысловоразличающей функции.

Кроме выше упомянутого, протекание процесса в системе древнеболгарского языка характеризовали еще два основных «внутренних противоречия»: широко распространенная омонимия падежных форм и ярко выраженная синонимия вариантов падежных окончаний (Duridanov 2004: 215). В развитии современного русского языка – а также немецкого – наблюдаются и в этом плане аналогии, сигнализирующие, как думается, соответствующие типологические изменения в их языковых системах. Данные системные изменения проявляются в феномене неправильного употребления или смешения падежей и падежных окончаний.

3. Многочисленный материал «массовых ошибок» на употребление падежей в русском языке современности, собранный и классифицируемый исследователями по различным критериям (ср. Гловинская 1996/2000, 2001), отражает, как представляется, действие одной общей языковой тенденции, а именно, тенденции к унификации системы именного склонения, пред-

ставленной в индоевропейских языках. На протяжении веков (от общиндоевропейского до современного состояния) она проявляется в двух взаимосвязанных процессах, типологически направленных в сторону развития аналитизма:

- (1) сокращение числа различных падежных форм (т.е. окончаний) для выражения идентичных или близких грамматических значений;
- (2) упразднение непродуктивных типов и образцов склонения.

3.1 Рассмотрим проявление обоих процессов на примере изменений, наблюдаемых в русском языке, подробнее.

3.1.1 Наиболее примечательным участком системы современного русского языка в плане «неправильного выбора падежа» является смешение окончаний родительного и предложного падежей. Это явление получило, как кажется, всеобщее распространение в современном «состоянии» русского литературного языка метрополии и наблюдается в языке диаспоры всех волн эмиграции, ср.: *в экономических реформов* (R), *в западных южнорусских говоров* (R), *во всех привлекаемых <...> диалектов или языков⁹* (rD1), *об этих художников* (R), *об американских самолетов* (R), *слухи о крупных успехах Армии Колчака* (rD1), *пожары в лесах и торфяников* (R), *измерение этих структур в герцев* (R), *закон о выборах* (R), *вопрос о налогов* (R), *о спортивных событий* (R), *о некоторых своих наблюдений* (R), *о событиях и действующих лиц* (rD1), *закон о политических партий* (R), *это спекуляция на нынешних трудностей* (R), *речь идет об искусстве и новых книжечек издательства Белфакс* (R) – род. мн. вместо пред. мн.; *о новой Настасье Филипповны* (R), *в получасовой езде от нас* (rD4) – род. ед. вместо пред. ед.; *от несчастных случаях* (R), *при отсутствии американских самолетов* (ср. выше *об американских самолетов*) (R), *я была у двух ортопедов* (rD3), *на Сахалине без осадков* (R), *есть омонимы нескольких видов* (R), *после прихода к власти большевиков* (rD1), *пробка растянулась на несколько километрах* (R) – пред. мн. вместо род. мн.; *от литературе к историческим личностям* (R), *у графини Капнист, коренной одеситке* (rD1), *для постройки большой гостинице* (rD1) – пред. ед. вместо род. ед.

Проследить многовековое развитие данного процесса в русском языке XV-XVIII веков *per exemplum* позволяет, как представляется, текстологи-

⁹ Пример из статьи Н.И. Толстого в «Вопросах языкознания» №1 за 1963 г.

ческий анализ «Временника Ивана Тимофеева» в исследовании Х. Кайперта (Keipert 1968: 100-129).¹⁰

Как показывают приведенные выше примеры, попытку объяснить данное явление в его истоках исключительно фонетически, слабой дифференцированностью безударных окончаний *-ax* [эх] и *-ov* [эф] пред. и род. мн., наблюдаемой в диалектах (Касаткин 1987: 46), следует, очевидно, признать не вполне состоятельной. Тем более, что диалектный материал на протяжении длительного периода широко демонстрирует вытеснение окончаний предложного падежа как другими вариантами флексий родительного, так и в ударных фонетических позициях, ср.: *девки думают об ребя_т_ об стариков_ не заботились; при господ_ палочки не возьмешь; при людей_ скажу* (Кузьмина, Немченко 1964: 182-183, ср. Пожарицкая 1997: 90).

Интенсивность протекания процесса особенно в склонении множественного числа связана, как думается, с наличием или концентрацией на этом участке языковой системы трёх «внутренних противоречий»: (1) синонимии падежных форм родительного и предложного падежей, (2) синонимии вариантов падежных окончаний родительного падежа во множественном числе и (3) наличия для выражения одних и тех же падежных значений как беспредложной (родительным), так и предложных (предложным и родительным) конструкций. Поясним сделанное наблюдение.

Как наиболее полисемичные в русском языке родительный и предложный падежи выражают ряд близких грамматических значений, ср., например: *я была у двух ортопедов* – компонент локального значения в рамках объектного значения род. и *я была в двух ортопедических клиниках* – локальное значение пред., см. выше: *я была у двух ортопедов* (гДЗ). Таким образом, наблюдается синонимия их падежных форм. В результате высоко развитой унификации системы склонения во множественном числе, сложившейся в ходе исторического развития русского языка, род. мн. выражается несколькими абсолютно синонимичными вариантами падежного окончания (см. ниже). Единственно возможные аналитические предложно-падежные формы предложного падежа взаимодействуют с аналитическими конструкциями (ср. примеры выше) и синтетическими формами родительного.

Итак, смешение окончаний родительного и предложного падежей на уровне речи есть следствие интенсивного развития данной области системы языка в сторону аналитизма, о чем свидетельствует наличие здесь трех «внутренних противоречий»

Прогрессирующее развитие в сторону аналитизма отражается в данной области языковой системы, как думается, еще и в том, что среди вариантов

¹⁰ Сам исследователь объясняет наблюдаемое в русском тексте смешение окончаний пред. и род. падежей влиянием сербского языка.

окончаний род. мн. предпочтение последовательно отдается непродуктивному нулевому окончанию, ср.: *думают об ребят_*, *при господ_* – род. вместо пред. (примеры из диалектов, см. выше), несмотря на то, что оно совпадает с флексией им. ед., ср.: *слет кадет_ округи* (гD1) вместо *кадетов_*; *в рассказ нужно ввести еще пару персонаж_* (гD3) вместо *персонажей_*.

В истории унификации системы именного склонения в русском языке путем его перестройки от принципа классификации по суффиксу основы (в общендоевропейском и праславянском) к принципу классификации по родам (в русском языке) и сокращения таким образом числа склонений соответственно с 14-ти (6 типов склонения и 8 подтипов, ср. Ёлкина 1960: 113-122) до 4-х, историческое развитие русского языка протекало в соответствии с «законом сокращения основ в пользу окончаний» (Бодуэн де Куртенэ 1902/1963, ср. Кузнецов 1953: 66). Так как последние эксклюзивно являлись носителями падежного значения и выразителями падежной функции, в результате унификации формальных средств выражения побеждали наиболее релевантные в формальном плане флексии. Так для выражения род. мн. мужского рода во 2-м склонении русского языка, восходящем к склонению на *-*ǫ* и объединившем существительные мужского и среднего рода из склонений на *-*ǫ/*jǫ*, *-*ǫ*, *-*ī* и с основой на согласный, приоритет получают окончания непродуктивных типов склонений на *-*ǫ* (им. ед. *имѣ*, род. мн. *именѣ*) и *-*ī* (им. ед. *гостѣ*, род. мн. *гостѣи*). Изначальные варианты окончаний склонения на *-*ǫ/*jǫ* (им. ед. = род. мн. *кънь, конь*) как формально слабо выраженные и совпадающие с окончаниями им. ед. вытесняются на периферию (рус. им. ед. *раб_*, *конь_*; род. мн. *рабов*, *коней*).¹¹ Указанные выше явления в современном русском языке отражают прямо противоположный процесс развития, тем не менее последовательно вытекающий из предыдущего.

Представляется правомерным предположить, что предпочтительный выбор нулевого окончания род. мн. происходит не несмотря на то, что оно совпадает с им. ед., но объясняется именно этим фактом. Наблюдается процесс постепенного «отмирания» окончаний косвенных падежей и их консолидации в одной форме (ср. развитие в болгарском языке, см. 2). То есть, тенденция к унификации системы склонения путем сокращения числа различных падежных форм для синтетического выражения идентичных или близких грамматических значений последовательно подходит к своему

¹¹ Как регулярные нулевые окончания в род. мн. сохраняются только у существительных среднего рода с основой на твердый согласный, где они изначально не совпадали с им. ед. (др.-рус. *члв*, *члв*; рус. *сел_*, *сел_*).

завершению. Она уступает место тенденции к замене синтетического выражения падежной функции в русском языке аналитическим.

К явлениям данного порядка следует, по нашему убеждению, также отнести широко наблюдаемое вытеснение род. ед. винительным падежом при выражении категории определенности, ср.: *ждала его приезд* (R), *пиши, жду ответ* (rD4), *желание избежать неприятную сцену* (rD1), ср. гиперкорректное употребление род. вместо вин.: *начинаются гонения на малоимущих семей*¹², и в конструкциях с отрицанием, ср.: *такими методами невозможно добиться результат* (R);¹³ *не терпел заумное теоретизирование* (rD2). Указанный процесс ярко выражается в замене косвенных падежей именительным, ср.: *нужно иметь в виду предвыборная компания* (R) вместо *предвыборную компанию* – вин., *перевел ряд учебных книг: катехизис <...>, сборник <...> песнопений, молитвенник, немецкая грамматика, <...>, словарь* (R)¹⁴ вместо *немецкую грамматику* – вин., *один из последних прибыл В.С. Черномырдин* (R) вместо *одним из последних* – твор., *за три последние годы* (rD1) вместо *за три последних года* – род., *Достоевский и Толстой – два типичные представителя* (rD1) вместо *два типичных представителя* – род. и др., см. (Гловинская 2001, 357 и след.), ср. гиперкорректное употребление: *он предпочел позже приехать одному в Белград* (rD1) – дат. вместо им.¹⁵

12 В речи преподавателя кафедры русского языка МГУ им. М.В. Ломоносова (из разговора 9 апреля 2010 года).

13 В одном из официальных заявлений Г. Явлинского. Т.к. более широкий контекст отсутствует (пример взят из Гловинская 2000), выражение можно интерпретировать и как употребление нулевого окончания род. мн. вместо регулярного и корректного -ов.

14 Пример взят из энциклопедического словаря, созданного в Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук: С.С. Илизаров «Московская интеллигенция XVIII века», Москва 1999, стр. 79.

15 Тенденция к аналитическому выражению падежного значения наблюдается и в расширении категории несклоняемых существительных. Приведем в этом плане весьма показательный пример, отражающий сознательную рефлексивную носителей языка на изменение, происходящие в его системе, ср.: «Кстати, о сокращении числа падежей. У нас наблюдается, с моей точки зрения, отвратительная тенденция некоторые слова вообще не склонять. Во-первых, заимствованные, причем некоторые давно, например – раньше у нас не было *кока-колы*, а теперь мы пьем *кока-кола* (может, оно еще и с большой буквы пишется, но я это безобразие, в основном, слышу из ящика). Во-вторых, что меня еще больше возмущает, хотя началось даже раньше, перестали склонять родные географические названия среднего рода – *Я приехал из Одинцово*» (Александра, 60 лет, кандидат физ.-мат. наук, представитель интеллигенции в 4-м поколении. Из электронного письма от 30 января 2011 г., графика и орфография оригинала сохранены).

3.1.2 Процесс упразднения непродуктивных типов и образцов склонения как следствие действия тенденции к унификации системы именного склонения проявляется в смешении вариантов падежных окончаний, что уже было показано выше (см. 3.1.1) на примере флексий род. в унифицированном в русском языке склонении множественного числа. О непрерывности и последовательности развития в сторону применения принципа классификации по родам свидетельствуют дальнейшие изменения в склонении единственного числа, ср.: *дал интервью корреспонденту Илью Мильштейну* (R), *подойди в церкви к отцу Илью* (R) – дат. ед. муж. 2 скл. вместо *Илье* 1 скл., *вчера я говорила с коллегом* (rD3) – твор. ед. муж. 2 скл. вместо *с коллегой* 1 скл. Приведенные примеры отражают упразднение непродуктивных образцов склонения: в первых двух представлен переход существительных мужского рода на -а из 1-го женского склонения (прасл. склонение на -*ā), где они представляют исключение (только одушевленные), во 2-е мужское склонение; в последнем – склонение существительных общего рода (1 скл.) по 2-му или 1-му склонению как существительных мужского или женского рода в зависимости от пола обозначаемого лица.

В русских диалектах унификация именного склонения по родовому принципу представлена еще более последовательно, чем в кодифицированном литературном языке. Существительные среднего рода на -мя непродуктивного 4-го типа склонения во всех диалектах изменяются по 2-му склонению, ср.: им. *време* (вместо *время*), *поле*; род. *время* (вместо *времени*), *поля*; дат. *время* (вместо *времени*), *полю*; вин. *време* (вместо *время*), *поле*; твор. *времем* (вместо *временем*), *полям*; пред. *о време* (вместо *времени*), *о поле* (Пожарицкая 1997: 88). В диалектах Вологодской и южной части Архангельской области, а также в говорах Рязанской группы представлено практически только два типа склонения: существительные женского рода с основой на мягкий согласный 3-го склонения (праславянское склонение на -*ī) изменяются по 1-му склонению, ср.: им. *грязь*, *земля*; род. *грязи*, *земли*; дат. *грязе* (вместо *грязи*), *земле*; вин. *грязю* (вместо *грязь*), *землю*; твор. *грязей* (вместо *грязью*), *землей*; пред. *в грязе* (вместо *грязи*), *в земле* (Пожарицкая 1997: 86). В севернорусских говорах Ладого-Тихвинской группы и Архангельской области наблюдается сокращение числа падежных окончаний за счет широкой дистрибуции флексии -и. Она используется в род., дат. и пред. падежах существительных женского рода не только 3-го, но и 1-го склонения, ср.: род. *нет жены*, *нет земли*; у *жены*, у *земли*; дат. *к жены*, *к земли* (вместо *жене*, *земле*): пред. *о жены*, *о земли* (вместо *о жене*, *о земле*) (Пожарицкая 1997: 82).

3.2 Представленный выше анализ феномена «неправильного употребления падежей» или смешения падежных окончаний и их вариантов в русском языке приводит к выводу, что наблюдаемые изменения являются выражением завершающего периода действия тенденции к унификации системы склонения путем сокращения числа различных падежных форм в пользу более точного синтетического выражения идентичных или близких грамматических значений. Характерная для исторического развития индоевропейских языков тенденция постепенно уступает место, как кажется, своему антиподу – тенденции к замене синтетического выражения падежной функции аналитическим, ведущей к упразднению падежных форматов. Развитие данной области системы русского языка, представляющееся на первый взгляд парадоксальным, выявляет при ближайшем рассмотрении последовательность и закономерность указанных языковых процессов, не менее характерных и для других индоевропейских языков и даже представленных там на более продвинутом этапе развития.

3.3 В немецком языке, система склонения которого включает 4 падежа (им., род., дат., вин.), материально выраженные окончания существительных представлены в род. ед. сильного склонения (-s), в дат. мн. сильного и женского склонений (-en) и в косвенных падежах слабого склонения ед. и мн. числа при наличии синкретизма всех косвенных падежей (-en). Ближайшим контекстом для определения падежного значения существительных служат кроме того артикль, который наряду с категорией определенности / неопределенности выражает категорию рода существительных и самостоятельно изменяется по падежам,¹⁶ а также прилагательные и местоимения в их синтаксической атрибутивной функции.

Несмотря на то, что в современном немецком языке для выражения падежной функции существительных сохранилось практически лишь два падежных окончания, он является в этой области системы языка одним из самых «синтетических» среди других германских языков. Только форматив родительного падежа сохранился в скандинавских языках, в английском он представлен лишь у имен собственных (*saxon genitive*). В голландском языке, по мнению М. Бэрлекен, «склонения существительных больше не существует» (Baerlecken 1963: 33).¹⁷ Утрачено в этих германских языках также склонение артикля, который, например, в английском не выражает

16 Как это представлено, например, в древнегреческом языке (Löwe 1977: 134 и след.). Об изменениях в области падежного употребления в греческом см. Luraghi (1996: 2003).

17 Рудимент именного склонения в голландском можно наблюдать в устойчивом словосочетании *dezer dage* 'в эти дни'.

больше и категорию грамматического рода (также утраченного), но служит только для выражения категории определенности / неопределенности.

Тем не менее, по сравнению с русским, развитие в сторону аналитизма в области выражения падежной функции в системе немецкого языка прошло значительно более длительный путь. Как кажется, в последние годы наблюдается интенсификация этого процесса. По мнению исследователей (Vater 2006, 2007, 2011, ср. Krischke 2006) тенденция к ослаблению падежной функции выражается в постепенной унификации падежей, ведущей к их полной утрате, как это представлено в современном английском и голландском языках.

Окончание род. ед. *-s*, как показано выше, проявило себя наиболее стойким в процессе утраты падежных флексий в истории развития германских языков, особенно при выражении падежного значения принадлежности. Именно в этой функции в английском языке с ярко выраженным аналитизмом в его языковой системе до сих пор используется *saxon genitive*. В именной системе склонения современного немецкого языка окончание род. ед. *-s* является единственным, избежавшим падежного синкретизма: существительные мужского рода сильного и слабого склонения противопоставляются флексиями род. падежа в его различных значениях, ср.: *Zähne des Wolfs* : *Füße des Elefanten*. Тем более показательно, на наш взгляд, что на современном этапе развития немецкого языка именно на этом, казалось бы, наиболее стабильном участке именного склонения в плане синтетического выражения падежной функции наблюдается последовательное вытеснение родительного падежа дательным, значения которого в продуктивном сильном склонении выражаются только аналитически, а в непродуктивном слабом – омонимичным родительному окончанием. При этом наряду с использованием предложной конструкции с дательным, заменяющей беспредложное управление родительного, ср.: *das Haus meines Vaters* (род.) → *das Haus von meinem Vater* (von + дат.) → *das Haus von mein Vater* (von + им.) (ср. 1.3), предпочтение – по крайней мере в разговорном языке – отдается использованию более широкого аналитического контекста без предлога, ср.: *dem Vater sein Bruder* (дат. + притяжательное местоимение в им. вместо *der Bruder des Vaters*). Б. Сик, заметивший это явление в немецком разговорном языке, озаглавил свое научно-популярное описание в форме наблюдаемой конструкции: «Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod» (Sick 2004).

Замена родительного падежа дательным отмечается не только при вытеснении падежного управления предложным в контекстах, выражающих значение принадлежности. Она широко представлена не только в разговорном, но и в литературном языке, ср.: *zur Stunde gedenken*

Zehntausende den Opfern (дат. мн. вместо род. мн. *der Opfer*) *der Terroranschläge in den USA* (Новости WDR 3, 14 сентября 2011 г., 15:00); *hat sich Chris nun erneut den Topics* (дат. мн. вместо род. *der Topics*) *angenommen* (научный лингвистический доклад, Лейпциг, 7 июля 1999 г., 15:15); *mittels veränderten oder zusätzlichen organischen Einrichtungen* (дат. мн. вместо род. мн. *mittels veränderter zusätzlicher organischer Einrichtungen*) (научное исследование по биологии, 2003 г.); *das Verfahren angeben, mittels dem* (дат. ед. вместо род. ед. *dessen*) *der Verbalvorgang ausgeführt wird* (научное исследование по языкознанию, 2004 г.); *Sprachproduktion läßt sich dann besonders anschaulich darstellen, wenn während diesem Prozess* (дат. ед. вместо род. ед. *während dieses Prozesses*) *Fehler auftraten* (научное исследование по языкознанию, 2001 г.); *so mancher Staatsbürger wurde wegen angeblichen „Verrat_ von Staatsgeheimnissen“* (дат. ед. вместо род. ед. *wegen angeblichen Verrats*) *zu langjährigen Haftstrafen verurteilt* (газета «ai-Jornal», июль 2004 г.); *der Wasserpegel des Jangtse, Chinas längstem Fluß* (дат. ед. вместо род. ед. *längsten Flusses*) *ist auf einem historischen Tiefstand* (газета «Kölner Stadtanzeiger» за 24 августа 2006 г.) и др. Одновременно не менее интенсивно происходит замена дательного падежа родительным, ср.: *die Objekte sind ihres kultischen Umfelds entrückt* (вместо *ihrem kultischen Umfeld*) (газета «Kölner Stadtanzeiger» за 24 августа 2006 г.); *hat sich ganz und gar dieses Komponisten verschrieben* (вместо *diesem Komponisten*) (радиопрограмма WDR 3, 2 октября 2006 г., 06:35); *entgegen jeglicher Behauptungen* (вместо *entgegen jeglichen Behauptungen*) (из объявления в магазине, 4 февраля 2004 г.); *die Linguistik beschreibt den Spracherwerbsprozess <...> entsprechend ihrer Disziplinen* (вместо *entsprechend ihren Disziplinen*) (студенческая курсовая работа, апрель 1999 г.); *ein musikalisches Porträt von Salomo, des israelischen Königs* (вместо *dem König*) (радиопрограмма WDR 3, 3 января 2007 г., 11:15) и др. Смещение обоих падежей наблюдается в одном и том же минимальном контексте, ср.: *Besichtigung der Glashütte* (род.) *und dem Glasmuseum* (дат. вместо род. *des Glasmuseums*) (газета «Berliner Zeitung» за 20/21 августа 2010 г.). При этом фиксируется как употребление род. падежа без окончания -s, ср. *des nördlichen Baikal* <und *des Südzipfels*> (см. 3.3), так и употребление данной флексии в дательном, ср.: *dem anlässlich des deutschen Sieges <...> komponierten Triumphliedes* (Программа концерта в Кёльнской филармонии, 20 апреля 2007 г.).

Приведенные примеры демонстрируют смещение род. и дат. падежей во всех основных позициях их употребления – при глаголах, в сочетании с предлогами и в оппозиции –, в которых кодифицированной нормой предписывается употребление только одного строго определенного падежа, ср.: *gedenken, sich annehmen* + род., *entrücken, sich verschreiben* + дат.; *mittels,*

während + род., entgegen, entsprechend + дат. Относительно предлога wegen, управляющего род. падежом, уже в (Duden 1979: 555) дается пометка, что в разговорном языке при нем может использоваться и дательный.

Думается, что указанное интенсивное взаимодействие сфер родительного и дательного падежей в системе немецкого языка позволяет провести параллели с описанными выше изменениями в языковой системе русского языка, касающимися области выражения падежных значений родительного и предложного падежей.

В своих исследованиях на основе анализа многочисленного материала Х. Фатер убедительно показывает, что в современном немецком языке каждый из 4-х падежей может заменять все другие во всех возможных позициях их употребления (Vater 2007: 39 и след.). При этом наблюдается усиленное вытеснение косвенных падежей именительным. Не имея возможности в рамках статьи привести примеры на смешение всех падежей (см. Vater 2007: 12-38), ограничимся демонстрацией только последнего явления, ср.: *einzelne Flüge wegen Nebel umgeleitet* (www.tagesspiegel.de/berlin) (им. вместо род. *wegen <des> Nebels*); *Dr. Andreas Hördt, wissenschaft. Mitarbeiter im Geologisches Institut der Universität Bonn* («Kölner Universitäts-Journal», № 4, 2001 г.) (им. вместо дат. *im Geologischen Institut*); *kongolesische Minenarbeiter sortieren große Brocken Zinkerz, einer der vielen Rohstoffe des Landes* (газета «Kölner Stadtanzeiger» за 22./23 июля 2006 г.) (им. вместо вин. *einen der Rohstoffe*).

Несмотря на попытки исследователей объяснить вытеснение или смешение падежей в отдельных конкретных случаях особыми частными причинами (ср. Di Meola 2000: 134, Vater 2007: 12 и др.), наблюдаемая общая тенденция к утрате падежной маркировки (*case marking*) в системе немецкого языка остается налицо. Она получает свое выражение в «постоянно возрастающей неуверенности носителей немецкого языка при употреблении падежей как в устной, так и письменной речи» (Vater 2007: 40). Диагностируя наблюдаемую тенденцию как «тревожную», Х. Фатер (Vater 2007: 41) вслед за В. Кришке (Krischke 2006) вынужден согласиться с мнением У. Хинрихса, специалиста по балканским языкам, который усматривает в развитии современного немецкого языка общие всем индоевропейским языкам процессы, ведущие к перестройке их языковой системы от синтетического к аналитическому типу (ср. Hinrichs 2004: 17 и след.), как это уже произошло в болгарском языке (см. 2).

Суммируем в заключение основные результаты проведенного исследования.

1) Исследование обнаружило, что в языковой системе современного русского языка представлены три основных «внутренних противоречия»

(характерных для древнеболгарского языка X века), которые сигнализируют о ходе развития языковой системы в сторону аналитизма. Их отражение прослеживается на примере двух феноменов в области выражения падежной функции: последовательной замене падежного управления предложным и смешении падежей и падежных окончаний. Оба процесса наблюдаются как в некодифицированных вариантах русского языка, так и в современном русском литературном языке, где они особенно четко проявляются в периоды ослабления и переоценки кодифицированной нормы – в ситуациях общественных катаклизмов в языке метрополии и в языке диаспоры.

2) Последовательная замена падежного управления предложным в истории русского языка обнаруживает интенсификацию тенденции к аналитическому выражению падежной функции путем перехода от синтетического выражения падежных значений с помощью окончания к его аналитическому выражению с помощью флексии и предлога (или только предлога). Наблюдаемая на современном этапе развития русского языка экспансия предложно-падежного управления в сферу беспредложного свидетельствует о перераспределении центральной и периферийной зон в функционально-семантической парадигме падежных форм, о передвижении периферийных падежей с предлогами в центр парадигмы и вытеснении из него беспредложных. Результаты процесса уже частично кодифицированы в современном русском литературном языке, в частности, в области выражения значений предложного падежа.

3) Смешение падежей и падежных окончаний, обусловленное омонимией падежных флексий и синонимией вариантов окончаний, отражает в русском языке смену двух противоположных, но логически вытекающих один из другого процессов, характерных для развития языков индоевропейской семьи: угасание тенденции к унификации системы склонения (путем сокращения числа различных падежных форм в пользу более точного синтетического выражения идентичных или близких грамматических значений) и приход ей на смену тенденции к утрате падежных окончаний (падежной маркировки) и аналитического выражения грамматических значений.

4) Сопоставление наблюдаемых в русском языке феноменов с процессами развития в немецком языке обнаруживает аналогичные явления в его языковой системе. При этом типологическое развитие в сторону аналитизма представлено в немецком на более продвинутом этапе, что может объясняться местом обоих языков в индоевропейском языковом континууме – русского как наиболее периферийного, немецкого как более близкого к центру. Безусловно следует принимать во внимание и влияние частных, специфических, факторов на ход развития языковой системы каждого из данных языков: действие межъязыковых контактов,

внутриязыковое взаимодействие различных форм существования языка, характер кодификации норм в языке-стандарте.

Литература

- Бодуэн де Куртене И.А., 1902/1963, Записки об изменении основ склонения, в особенности об их сокращении в пользу окончаний, в: *Избранные труды по общему языкознанию* т. 2, Москва, 19-28.
- Гловинская М.Я., 1996/2000, Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок), в: *Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995)*, Москва, 235-325.
- Гловинская М.Я., 2001, Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции, в: Е.А. Земская (ред.): *Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты*, Москва – Вена, 341-483.
- Грановская Л.М., 1995, *Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны*, Москва.
- Дуриданов И., 1956, *Към проблемата за развоја на българския език от синтетизъм към аналитизъм*, София.
- Ёлкина Н.М., 1960, *Старославянский язык*. Москва.
- Земская, Е.А. (ред.), 2001, *Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты*, Москва – Вена.
- Иванов В.В., Сумникова Т.А., Панкратова Н.П., 1990, *Хрестоматия по истории русского языка*, Москва.
- Караулов Ю.Н., 1991, *О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и материалы почтовой дискуссии*, Москва.
- Касаткин, Л.Л. 1987. Разновидности фонетических гиперизмов в русских диалектах, в: *Русские диалекты. Лингвогеографический аспект*, Москва, 39-51.
- Клобуков Е.В., 1986, *Семантика падежных форм в современном русском литературном языке*, Москва.
- Костомаров В.Г., 1994, *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над языковой практикой масс-медиа*, Москва.
- Красильникова Е.В., (ред.) 2001, *Русский язык зарубежья*, Москва.
- Кронгауз М., 2008, *Русский язык на грани нервного срыва*, Москва.
- Кузьмина И.Б., Немченко Е.В., 1964, *Русская диалектология. Синтаксис. Лексика*, вып. III, Москва.
- Кузнецов П.С., 1953, *Историческая грамматика русского языка. Морфология*, Москва.
- Ломоносов М.В., 1755, *Российская грамматика*, Санкт-Петербург.

- Найдич Л., 2008, Тенденции развития русского языка за рубежом: русский язык в Израиле, в: *Russian Linguistics* 32, 43-57.
- Панов М.П., (ред.) 1968, *Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского языка*, Москва.
- Пожирицкая С.К., 1997, *Русская диалектология*, Москва.
- Поливанов Е.Д., 1931, *За марксистское языкознание*, Москва.
- Программа 2000. *Программа IV Международного конгресса исследователей русского языка 2010 – IV Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность, Москва, МГУ, 20-23 марта 2010 года. Программа*, Москва.
- Русская грамматика 1980, *Русская грамматика*, т. I. Москва.
- Селищев А.М., 1926/2003, *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917 – 1926)*, Москва.
- Соболев А.Н., 1991, К истории утраты балканославянского склонения, в: *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику XXXIV/2*, 7-41.
- Сорокина В.В., 2003, *Русский Берлин. Предисловие и персоналии В.В. Сорокиной*, Москва.
- Шапошников В.Н., 1998, *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении*, Москва.
- Baerlecken M., 1963, *30 Stunden Niederländisch für Anfänger*, Berlin.
- Di Meola C., 2000, *Die Grammatikalisierung deutscher Präpositionen*, Tübingen.
- Duden 1979, *Der Große Duden. Rechtschreibung*, Leipzig.
- Duridanov I., 2004, Die Entwicklung des Bulgarischen vom synthetischen zum analytischen Sprachtyp, in: U. Hinrichs, Hg.: *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*, Wiesbaden, 213-230.
- Glück J.E., 1704, *Grammatik der russischen Sprache (1704)*. Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. Uspenskij und V. Živov, Köln.
- Hinrichs U., 2000, Prolegomena zu einer Theorie des Analytismus I + II (anhand der Sprachen in Ost- und Südeuropa), in: U. Hinrichs, U. Büttner Hgg.: *Die Südosteuropa-Wissenschaften im neuen Jahrhundert. Akten der Tagung vom 16.-19.10.1999 an der Universität Leipzig*, Wiesbaden, 83-128.
- Hinrichs U., 2004, Vorbemerkung zum analytischen Sprachtyp in Europa, in: U. Hinrichs, Hg.: *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*, Wiesbaden, 17-31.
- Keipert H., 1968, *Beiträge zur Textgeschichte und Nominalmorphologie des „Vremennik Ivana Timofeeva“*, Bonn.
- Krischke W., 2006, „Ich geh Schule“, in: *Die Zeit* (2006) 29.06.
- Löwe G., 1977, *Griechisches Lehrbuch*, Berlin.
- Luraghi S., 1996, *Studi su casi e preposizioni nel greco antico*, Milano.

- Luraghi S., 2003, *On the Meaning of Preposition and Cases. A Study of the Expression of Semantic Roles in Ancient Greek*, Amsterdam – Philadelphia.
- Maier I., 2006, *Verbalrektion in den „Vesti-Kuranty“ (1600 – 1660)*. Teil 2: *Die präpositionale Rektion*, Stockholm.
- Mengel S., 2011, Typologischer Wandel im systemischen Ausdruck der Kasusfunktion im Russischen, in: M.L. Kotin, E.G. Kotorova, Hgg.: *Geschichte und Typologie der Sprachsysteme*, Heidelberg, 257-263.
- Ohnheiser I., 2004, Analytische Tendenzen in der Nomination / Wortbildung slawischer Sprachen, in: U. Hinrichs, Hg.: *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*, Wiesbaden, 197-211.
- Sick B., 2004. *Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache*, Köln.
- Sohier J., 1724, *Grammaire et Methode Russes et Françoises, 1724*. Факсимильное издание под редакцией и с предисловием Б.А. Успенского, München 1987.
- Vater H., 2006, Kasus in Appositionen, in: *Lyon Linguistique Allemande* 8, 1-18.
- Vater H., 2007, Kasusgebrauch im gegenwärtigen Deutschen, in: *Estudios Filológicos Alemanes* 14, 11-48.
- Vater H., 2011, Kasusveränderungen im gegenwärtigen Deutschen, in: M.L. Kotin, E.G. Kotorova, Hgg.: *Geschichte und Typologie der Sprachsysteme*, Heidelberg, 245-256.
- Weiss D., 2004, Das moderne Russisch als analytische Sprache (ein Vergleich mit dem Polnischen), in: U. Hinrichs, Hg.: *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*, Wiesbaden, 263-283.